

Но зачем Цзян Вэйдэ лгать перед всеми? Зачем заявлять, что статья Ли Цинли была опубликована Исследовательским институтом «Хунсо»?

Теперь, когда правда всплыла наружу, репутация самого профессора так или иначе пострадала. Неужели он был настолько уверен, что сможет заткнуть всем рты и не дать истине просочиться?

Ли Жун едва сдерживал порыв броситься в институт «Хунсо» и лично потребовать ответа. Он хотел знать, какие тайны скрывает старик и почему организация никак не отреагировала на убийство его родителей.

Но он не мог.

Нынешний Цзян Вэйдэ не питал к нему даже остатков былой привязанности учителя к ученику, а значит, и надеяться на откровенность не стоило.

Ли Жун сделал несколько кругов по коридору общежития, пытаясь унять бурю в душе и вернуть самообладание. Нельзя уповать на то, что Цзян Вэйдэ заговорит сам — нужно найти на него рычаги давления, заставить его выложить всё, что ему известно.

Но найти компромат на такого человека — задача почти невыполнимая. По совести говоря, Цзян Вэйдэ был образцовым наставником. Пусть порой он и бывал вспыльчив, но науку всегда ставил превыше всего. За два года совместной работы Ли Жун ни разу не видел, чтобы профессор проявлял слабость к роскоши или деньгам.

Единственным серьезным камнем преткновения между ним и Ли Цинли было отношение к коммерции. Старик терпеть не мог, когда коллеги открывали свои компании — по его мнению, это оскверняло чистоту академической среды и мешало концентрации на исследованиях.

Сам Цзян Вэйдэ, верный своим принципам, никогда не занимался побочными проектами, ограничиваясь лишь работой в лаборатории.

Ли Цинли же, возглавив медицинскую компанию «Нунъань», фактически выбыл из гонки за пост директора института «Хунсо». Все по умолчанию считали, что как только прежний руководитель уйдет на покой, кресло займет его заместитель.

Впрочем, до самой смерти Ли Жуна в его первой жизни Цзян Вэйдэ так и не стал директором. Предшественник явно засиделся на месте: ему было уже за семьдесят, а он всё не желал уступить полномочия. Так вечный кандидат и просидел в ожидании несколько лет.

Вернувшись в квартиру, юноша рассказал Цэнь Сяо о том, что это Цзян Вэйдэ нанял Сун Хэ.

Тот лишь озадаченно нахмурился.

Впрочем, Цэнь Сяо не испытывал к профессору враждебности — по крайней мере, тот не вызывал у него такого отвращения, как Ду Минли, один вид которого был ему тошен. Ли Жун знал, что по результатам расследования, которое его партнер вел в будущем, Цзян Вэйдэ не был причастен к его гибели.

В то время единственным, что заботило Цэнь Сяо, была причина смерти Ли Жуна. Удар нанес Ду Минли, и у того не было ни единого шанса подчинить себе такого человека, как профессор Цзян.

Поскольку пока тот не выказывал намерений причинить ему вред, Ли Жун решил на время оставить эту тему. Сейчас его главной мишенью была биотехнологическая компания «Сухэ». Но чтобы сокрушить этого гиганта, требовалось куда больше неопровержимых улик.

На Новый год выдалась отличная погода. Снег, аккуратно расчищенный с дорог, почти сошел, и в лучах полуденного солнца чувствовалось редкое тепло.

В офисном здании Третьего района Цэнь Цин мерил шагами пространство перед панорамным окном. Сюй Фэн неловко замер в стороне, наблюдая за ним.

Проходив так некоторое время, мужчина резко остановился и вскинул голову:

— Сколько Цэнь Сяо уже не ночевал дома?

Сюй Фэн выдавил из себя натянутую улыбку:

— Он уже взрослый парень, я не могу следить за ним ежеминутно. Может, спросите госпожу?

Цэнь Цин одарил его колючим взглядом и недовольно хмыкнул:

— Забудь. Стоит им исполниться восемнадцать — считай, поминай как звали. Сын — отрезанный ломоть.

Помощник не удержался от смешка:

— В Девятом районе сейчас завал, к тому же сессия. Вполне естественно, что у него нет времени на поездки домой. К слову, дело компании «Мэйцзян» он провернул блестяще — я, признаться, не ожидал такой прыти.

Сюй Фэн постоянно отслеживал перемещения молодого господина. Узнав, что тот отправился в

город Ян всего с парой помощников, он немедленно доложил Цэнь Цину и вылетел следом ближайшим рейсом. Он уже проработал несколько планов экстренной помощи, но ни один из них не понадобился.

Цэнь Сяо не только вышел из этой переделки целым и невредимым, но и сумел убедить Хэ Даюна сдать власть.

Председатель глубоко вздохнул, хмурясь и нервно сжимая ладонь:

— Как же он это сделал? Как он заставил Хэ Даюна пойти на явку с повинной?

Сюй Фэн едва заметно покачал головой:

— Тут я бессилен. В Девятом районе поговаривают, будто в ходе проверки вскрылись махинации с данными препарата «Цинжуй». Но на тот момент Хэ Даюн наверняка пытался подкупить Цэнь Сяо. О чём они говорили потом в кабинете, знают лишь сам директор компании, ваш сын и... этот Ли Жун.

— Ли Жун... — вполголоса повторил Цэнь Цин.

О подробностях инцидента в цехе «Мэйцзян» он уже успел разузнать. Для других парень был лишь рядовым сотрудником, но глава семьи видел картину глубже.

— Неужели этот мальчишка и впрямь настолько талантлив? — пробормотал он. — То, что не смог найти даже Ли Байшоу, нашёл он.

— Похоже на то, — отозвался Сюй Фэн. — Я и сам поражен. Ему ведь всего девятнадцать.

Зрачки Цэнь Цина сузились. Он сощурился, глядя в окно:

— В таком случае... не мог ли он сам отправить ту гипотезу Ли Цинли в журнал, а Сюй Вэй тут вовсе ни при чём?

Собеседник вздрогнул от неожиданности:

— Ну, это вряд ли. Я хоть и не специалист, но пройти рецензирование и опубликоваться в журнале «С нуля»... для этого нужен уровень как минимум докторанта.

Председатель потер переносицу и тяжело вздохнул:

— Компания «Сухэ» хочет передать мне долю в одном гоночном клубе. Найди повод и вежливо

откажись.

Сюй Фэн понимающе кивнул:

— Они быстро соображают. Видимо, надеются, что вы приструните сына и он перестанет копать под них.

Цэнь Цин холодно усмехнулся:

— Деньги у них грязные. Рано или поздно Цэнь Сяо до них доберется.

— Понял. Сейчас же придумаю достойный предлог для отказа.

С этими словами помощник вышел из кабинета. Дождавшись, когда за ним закроется дверь, Цэнь Цин подошел к рабочему столу и некоторое время сверлил взглядом стационарный телефон. Наконец он поднял трубку и набрал номер.

Через несколько секунд на том конце провода раздался голос Цзянь Чанли:

— Старина Цэнь? Чего это ты звонишь по городскому?

Цэнь Цин держал трубку одной рукой, а взгляд его невольно упал на лежащий перед ним проспект компании «Сухэ». Пробежав глазами по строчкам, он отвернулся и изобразил в голосе добродушие:

— Лао Цзянь, сто лет не виделись. Ты ведь всегда любил гонки? Может, выберемся в эти выходные, развеемся?

— Я люблю смотреть гонки, — отозвался Цзянь Чанли после короткой паузы. — В моем возрасте садиться за руль — прямой путь к инфаркту.

— А... вот оно что. Ну, можно и просто посмотреть. На горе Цинтай ведь каждые выходные заезды?

В трубке повисло молчание, сменившееся негромким смешком.

— Ладно тебе, хватит юлить. «Сухэ» и тебе предложили акции клуба? К чему этот цирк?

Председатель Цэнь ничуть не смутился: он и не рассчитывал, что сможет провести проницательного главу Первого района.

Он понимающе закивал своим мыслям:

— Раз уж ты понял, к чему я клоню, дай мне прямой ответ.

Голос собеседника стал ворчливым:

— Будто ты сам не догадываешься? Что мне остается делать? Если бы мой сын не влип в эту историю вместе с твоим, разве я бы посмел отказаться от такого куша?

Цэнь Цин не упустил возможности подколоть его:

— Брось ломать комедию. С твоим талантом всегда выбирать «золотую середину» ты бы и без сына за эти акции не взялся. Ты же чуешь, что от «Сухэ» несет гарью, вот и боишься обжечься.

— В любом случае, — упрямо гнул свою линию Цзянь Чанли, — это твой сын сбил моего с пути истинного!

Цэнь Цин, не желая продолжать спор, перешел к делу:

— Нам еще не раз понадобятся ресурсы твоего района. Так что не забывай и впредь смотреть на художества молодежи сквозь пальцы.

Тот страдальчески вздохнул:

— Да я не то что сквозь пальцы смотрю... Я, считай, с закрытыми глазами карту доступа в карман Цзянь Фу подпихнул! Мы в Первом районе люди мирные, чистые душой, а нас вот так втянули в эти разборки. Сердце кровью обливается!

Пусть в обычное время Цзянь Чанли и изображал из себя человека, далекого от мирской суеты, он был прекрасно осведомлен о происходящем. Как только ему прислали «подарок» от компании «Сухэ», он понял: его пытаются перетянуть на свою сторону.

Стоило ему вернуть акции, как о нейтралитете можно было забыть — «Сухэ» автоматически запишет его в список врагов. Если бы в это вляпался кто-то из подчиненных, он давно бы вышвырнул его вон. Но виновником был Цзянь Фу, его собственный сын.

— Ладно, страдай дальше. Бывай, — бросил Цэнь Цин.

— Эй! — возмутился Цзянь Чанли. — Мы разве не собирались развеяться на выходных?

Председатель был безжалостен:

— Ты же сам догадался — это была просто проверка.

— ...

Будь прокляты эти сыновья, которых нельзя просто так выбросить!

***

В первые выходные после Нового года начались съемки второго этапа шоу талантов. Перед записью Линь Цинь поспешил написать друзьям в общую группу.

[Линь Цинь: Староста, вы придете посмотреть на запись шоу? Это почти как сборный концерт, судьи очень известные. Продюсеры разрешили участникам оставить билеты для близких]

Результаты экзаменов в Университете А еще не вывесили, так что Ли Жун решил пойти.

[Ли Жун: Конечно. Нужно брать с собой светящиеся палочки, чтобы болеть за тебя?]

[Линь Цинь: Нет-нет, не стоит. Просто наслаждайтесь пением. В зале в основном будут фанаты судей, так что из-за них нас всё равно будет плохо видно]

[Цзянь Фу: Тц, ну и тоска. Давай я тебе у входа в студию целую толпу фанатов найму? Не парься, я всё оплачу!]

[Линь Цинь: ...Умоляю, не надо! Организаторы строго-настрого запретили подобные фокусы]

[Ли Жун: Когда шоу выйдет в эфир, фанаты появятся сами собой]

[Цзянь Фу: И назовутся они «Чжэньцзысу»! Это я придумал название для фан-клуба!]

[Ли Жун: Ха?]

[Линь Цинь: ...Один человек устроил голосование, один человек проголосовал за «Чжэньцзысу» и один же человек утвердил это название]

[Цзи Сяочуань: «Чжэньцзысу»... звучит мило. Даже не верится, что это Цзянь Фу придумал]

[Цзянь Фу: Что значит «не верится»? Я вообще-то утонченная натура, у меня по литературе на ЕГЭ целых шестьдесят баллов было!]

[Цэнь Сяо: Он и впрямь постарался. Вспомните, как зовут его живность: собака — Чайное яйцо, черепаха — Зелёный бронированный воин, а попугай — Гуси, гуси, га-га-га]

[Линь Цинь: ...Премного благодарен]

[Цзянь Фу: Эй, это я в детстве их так назвал! Можно подумать, ты лучше — вон, кота Незабудкой окрестил]

[Цэнь Сяо: Не я, это мама]

[Цзянь Фу: Тц-тц, однако тебе, похоже, нравится, раз даже на аватарку его поставил]

[Цэнь Сяо: Потому что человека нельзя]

Поскольку они с Ли Жунем пока не собирались афишировать свои отношения, Цэнь Сяо не мог открыто заменить фото кота на фото любимого человека.

[Цзянь Фу: А? Какого еще человека?]

[Ли Жун: Угадай]

<http://bllate.org/book/15351/1502399>